

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье анализируется динамика крестьянского движения за весь период 1895–1914 гг., что позволило более точно определить его пики и спады. По-новому оценивается роль политических партий в крестьянских волнениях, их причины и особенности.

В конце XIX – начале XX в. крестьянство выдвинулось на авансцену русской истории и стало играть большую роль в политической жизни. После реформы 1861 г. собственность на землю в Сибири сохранили Казна и Кабинет, что создавало условия для вмешательства администрации в поземельные отношения. Податная система, не соответствовавшая доходности хозяйств, тяжелым бременем ложилась на среднее и мелкое крестьянство и отвлекала рабочую силу от нужд крестьянского хозяйства. Крестьянство испытывало на себе гнет социальной несправедливости. Но его положение было лучше, чем в центре страны. Здесь не имелось помещичьих хозяйств, крестьяне могли использовать свободные земли. Под влиянием этих факторов формировался социальный протест сибирских крестьян. Крестьянские выступления носили разрозненный характер и легко ликвидировались администрацией. После волнений алтайских мастеровых и приписных крестьян в 60-х гг. XIX в., сопровождавшихся столкновениями с войсками, крестьянское движение на три десятилетия стихло и проявлялось лишь изредка.

С 1861 по 1894 г. произошло 287 крестьянских выступлений, в среднем по 8,5 в год, или по одному в губернии (табл. 1). Все они вызваны или произволом администрации, пытавшейся назначить лиц сельской администрации, или запутанностью земельных отношений, или несправедливым характером податной системы. Отказы платить подать составили 38 %, самовольные захваты земли и неподчинение властям – по 13 %. Выступления против сельских богатеев находились в зачаточном состоянии, но при низкой интенсивности крестьянского движения их удельный вес достиг 11 %.

В предреволюционные 1895–1904 гг. крестьянское движение увеличилось в 3,5 раза с 8,5 до 30 волнений в год, а количество выступлений выросло до 300 (табл. 2). Хотя число крестьянских выступлений в Сибири возросло, но оно значительно отставало от Европейской России. В 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях восстание охватило 165 сел с населением в 150 тыс. человек. На его подавление направили 10 тыс. солдат, 1 092 участника предали суду [1]. Восстание было настолько мощным, что В.П. Данилов считает его началом аграрной революции в России, заставившей правящий режим перейти к реформам [2]. В Сибири активность движения не была столь резкой, оно постепенно нарастало с 1900 г. Рост количества крестьянских выступлений в Сибири в предреволюционное десятилетие в советской историографии связывали с влиянием города и пропагандой революционных партий [3], но крестьянское движение началось раньше городского и только в 1905 г. последнее способствовало превращению его в массовое. Революционные партии только начали агитацию среди крестьян.

Вплоть до революции 1905–1907 гг. формирование радикального мировоззрения у передовых крестьян и

интеллигенции шло по двум параллельным направлениям. Среди крестьян его выработку взяли на себя сектанты и старообрядцы. Уже в первой половине XIX в. среди старообрядцев-бегунов четко оформились антимонархические идеи, но они сочетались с царистскими иллюзиями, так как антимонархический протест направлялся не против власти вообще, а против монарха-антихриста [4]. Сосланные в начале XIX в. в Сибирь молокане, духоборы, баптисты, субботники отрицали авторитет духовной иерархии, законность власти, воинскую службу и подати. Эти секты охватывали зажиточные слои населения, которые обладали большей материальной независимостью [5]. В начале XX в. в среде крестьян новое звучание приобрели старые мифы об «истинных и подлинных» царях. Они отвергали частную собственность и считали, что все зависит от воли царя. Александр II отобрал землю у помещиков и отдал ее крестьянам, а Николай II не хочет следовать примеру деда, и он плохой царь, не заботится о своем народе. Гораздо дальше пошли в критике существующего строя шундисты, секты которых возникли во второй половине XIX в. В 80-х годах они быстро развивались на окраинах России, где зарождались капиталистические отношения, но успеха среди крестьян новшундизм, распространявшийся в конце XIX в., не имел. Он отрицал торговлю, деньги, частную собственность на землю и признавал исключительно продуктообмен. Шундизм близко подошел к социалистическим учениям, не случайно первое эсеровское братство в Тамбовской губернии появилось на базе сект баптистов и молокан.

Причины роста крестьянских выступлений крылись в условиях жизни населения. Крестьянские хозяйства вступили в полосу кризиса: хотя условия жизни их были лучше, чем в голодные 1891–1892 гг., борьба крестьян усилилась. Податная реформа привела к отмене подушного налога, но при отсутствии земельного кадастра и круговой поруке размер обложения заметно возрос. С 1896 г. в Сибири начались землеустроительные работы, и хотя они проходили в многоземельных волостях и в большинстве случаев удовлетворяли интересы крестьян, но иногда сопровождались отрезками земель. Введение в конце XIX в. института крестьянских начальников значительно усилило бюрократическую опеку над крестьянами.

Для широкого развития крестьянского движения в Сибири имелись свои причины. Кабинет и Казна являлись собственниками земли, а крестьяне – ее держателями. В ряде районов они имели земли намного меньше нормы. Вмешательство чиновников мешало свободно устроиться переселенцам, у старожилов отрезали 25 % земель. 40 % селений на государственных и 57 % на кабинетских землях не получили лесных наделов, что стало причиной «лесорубочной революции». Крестьяне платили государственную оброчную подать, местные сборы и многочисленные натуральные повинности.

Таблица 1

Соотношение форм крестьянского движения в Сибири в 1895–1917 гг.*

Формы крестьянского движения	Годы											
	1861–1894		1895–1904		1905 – май 1907		Июнь 1907–1909		1910 – июль 1914		Март – окт. 1917	
	Абс.	% В сред- нем за год	Абс.	% В сред- нем за год	Абс.	%	Абс.	% В сред- нем за год	Абс.	%	Абс.	% В сред- нем за год
Отказ от оплаты податей	110	38	103	34	289	23	184	73,6	519	34	–	–
Самовольные захваты земли	38	13	29	10	57	4,5	55	13	69	4,5	264	28
Самовольные порубки леса	7	2	40	13	271	21	52	12	122	8	164	17
Сопроительство землеустройству	5	2	30	10	–	–	66	15	559	36	–	–
Самовольный разбор хлеба из хлебозапасных магазинов	6	2	19	7	–	–	–	–	14	1	–	–
Выступления против винной монополии и прививок скоту	17	6	1	0,3	–	–	8	1,5	11	0,7	–	–
Волнения запасных	–	–	–	–	82	6,5	5	1	65	4	–	–
Уклонения от православия	6	2	2	0,7	–	–	–	–	–	–	–	–
Коллективные победы и отказ от надела	13	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Митинги, демонстрации и коллективные прошения	–	–	–	–	338	26,5	7	1,5	13	0,7	220	23
Столкновения переселенцев и старожилов	17	6	18	8	–	–	23	5	55	3,5	–	–
Выступления против богатых крестьян	32	11	34	11	31	2,5	10	2	64	4	–	–
Неподчинения властям, самовольная их замена, покушения на долж. лиц	36	13	24	8	201	21	27	6	41	3	50	5
Новые формы власти	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	258	27
ВСЕГО	287	100	300	100	1269	100	432	100	1529	100	956	100

Таблица 2

Количество крестьянских выступлений в Сибири в 1895–1917 гг.*

Регион	Годы					
	1861–1894	1895–1904	1905–май 1907	Июнь 1907–1909	1910–июль 1914	Март 1917 – октябрь 1917
Западная Сибирь	186	128	643	204	951	–
Восточная Сибирь	101	172	626	228	578	–
Вся Сибирь	287	300	1269	432	1529	956
В среднем за год	8,5	30	507,6	172,8	339,8	1434

* Составлено по: Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг. Новосибирск, 1987. С. 310–322; Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1907–1914 гг. Новосибирск, 1986. С. 204–207; Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 227–228.

Крестьяне страдали от чрезмерной бюрократической опеки. Пока крестьянство не дошло до крайности, движение не могли породить ни агитация, ни голодовки. В начале XX в. под угрозой оказались коренные интересы крестьянства. Цены на землю с 1905 по 1914 г. в различных губерниях поднялись на 30–102 %, государственные подати в Сибири в 1911 г. составляли от 22 до 26 % валового дохода губернии [6]. Постоянно росло число неурожайных лет (1891, 1892, 1897, 1898, 1901, 1905, 1906, 1907, 1911, 1915), вызывавших огромных масштабов голодовки [7]. В результате из-за высокой арендной платы за землю и частых голодовок крестьяне проедали основной капитал и разорались. Достаточно было слуха или неурожая, чтобы крестьяне начали бунтовать. Неурожай 1901 г. стал одним из поводов крестьянских волнений 1902 г. Первая русская революция тоже пришлась на неурожайные 1905–1907 гг. Разумеется, даже в центре страны обнищало не все крестьянство, но эта угроза существовала для всех его слоев, и оно втянулось в борьбу за землю. Понизить арендные платежи возможно было двумя путями – или в результате длительной конкуренции земледельческих хозяйств и экономической борьбы, или раздела помещичьих, кабинетских и казенных земель. Крестьяне выбрали второй путь [5. С. 18, 20]. В Сибири, где крестьянство было более зажиточным и расширяло запашку, где развивались полукапиталистические крестьянские хозяйства, оно четко ощущало противоречия между хозяйственными и правовыми отношениями, что вызвало протест против гнета. Мелкие крестьянские хозяйства успешно боролись с капиталистическими хозяйствами, но эти победы вели к их пауперизации и росту аграрного движения.

В первый год революции (1905) в Сибири зафиксировано 471 выступление. В январе – октябре 1905 г. крестьянское движение еще не стало массовым. В это время состоялось лишь 66 выступлений. Октябрьские события придали новый импульс борьбе, и число крестьянских выступлений начало стремительно расти: в ноябре – 55, в декабре – 296. Своего пика движение достигло в декабре и составило 70,1 % всех выступлений 1905 г. и 23,3 % волнений первой революции. Количество выступлений в 1906 г. составило 671 и превысило уровень 1905 г., но в отдельные месяцы уже не достигало уровня декабря 1905 г. В январе 1906 г. зафиксировано 246 случаев волнений, в феврале – 69, в марте – 51. В дальнейшем новый подъем крестьянского движения начался с декабря 1906 г. и продолжался до февраля 1907 г. На основании этих данных в крестьянском движении можно выделить следующие этапы: 1) январь – октябрь 1905 г. (медленный рост крестьянского движения); 2) ноябрь 1905 г. – март 1906 г. (скачкообразный рост); 3) апрель – ноябрь 1906 г. (уменьшение количества выступлений); 4) декабрь 1906 г. – февраль 1907 г. (новый всплеск крестьянской борьбы); 5) март – май 1907 г. (резкое падение классовой борьбы) [3. С. 100].

Крестьянское движение в Сибири имело свои особенности по сравнению с центром страны. Так как здесь была меньше острота аграрного вопроса, то размах борьбы крестьян уступал Европейской России. Если в Самарской губернии наблюдались крестьянские волнения в 569 селениях [8], то в Томской – в 395, в

Енисейской – в 353, в Тобольской – в 229, в Забайкальской – в 170, в Иркутской – в 103. Крестьянское движение в Сибири запаздывало по сравнению с общерусским и его пики приходились на время спада борьбы крестьян в Европейской России. В 1905 г. центрами движения стали Забайкальская (112 случаев), Енисейская (104) и Томская (77) губернии, в 1906 г. – Томская (268 случаев), Енисейская (183), Тобольская (121) губернии, в 1907 г. – Енисейская (66), Томская (50), Тобольская (44) губернии. Крупными центрами крестьянского движения стали Алтайский округ Кабинета, где произошло в 1905–1907 гг. 347 выступлений, т.е. 27,3 % их общего количества в Сибири, Минусинский уезд Енисейской губернии (172 выступления из 353 общегубернских) и Нерчинский округ Забайкальской области (82 случая из 170 общегубернских) [3. С. 101–103]. Два из этих районов занимали кабинетские земли, крестьяне которых острее ощущали влияние крепостнической политики. Алтайский и Минусинский округа являлись районами массовых крестьянских переселений, а они, как справедливо отмечал М.В. Шиловский, на протяжении 1905–1921 гг., оказывались охваченными систематическими волнениями и представляли «дугу нестабильности» на юге Западной Сибири и Енисейской губернии [9]. Большинство выступлений крестьян были локальными, скоротечными и стихийными. Но эти свойства крестьянского движения не оставались неизменными. В ноябре 1905 – марте 1906 г. число выступлений, охватывавших более двух сел, составляло 43,3 %. Подлинным организатором волнений выступала община. Она принимала почти все решения о начале выступлений и руководила ими. Более того, современные исследователи считают, что самоуправляющиеся общины представляли анклав крестьянских традиций в России и в момент взрыва направляли свою силу вовне и усиливали ее [10]. Община и периферийное положение Сибири создавали ресурсы для участия бедноты в движении и обеспечивали руководство им.

Исследователь крестьянства Д. Скотт выделяет в крестьянском сопротивлении наряду с массовыми формами обыденные, или «швейковские», нерадивое выполнение работ, симуляцию, уклонение от уплаты податей, браконьерство, дезертирство, убийства исподтишка. Эти формы практичны, незаметны, не требуют организации, индивидуальны и дают осязаемый результат. Самый популярным во всех странах Европы в XVII – начале XX в. являлось браконьерство. Леса объявлялись собственностью государства и землевладельцев, а население не считало это справедливым и покушалось на эту собственность. В Англии широкое распространение браконьерства привело к установлению драконовского закона, каравшего смертью за него. Но из-за массовости движения и молчаливого сочувствия населения охрану лесов не смогли установить [11. С. 28–34]. В Сибири до проведения землеустройства лесные порубки не имели широкого распространения. При благоприятной общеполитической ситуации индивидуальные (обыденные) формы протеста перерастали в массовые. В годы первой российской революции эта форма борьбы пользовалась популярностью и в Сибири, где наиболее ценные леса включили в казенные и кабинетские дачи, а 70 % крестьян Алтайского округа

не получили лесных наделов. За 1905–1907 гг. зарегистрирована 271 массовая порубка леса, т.е. 21 % всех выступлений, что дало повод современникам говорить о «лесорубочной» революции. Наибольших размеров массовые порубки леса достигли в декабре 1905 – феврале 1906 г. (около 70 %) в период массовых волнений населения региона. Большинство порубок приходилось на Западную Сибирь, а в Томской губернии они произошли в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах Алтайского округа Кабинета.

Другой массовой традиционной формой сопротивления крестьян Сибири были отказы платить подати (оброчную подать, ругу, натуральные повинности). Марк Блок писал, что тихая борьба, которую десятилетиями вели сельские общины, достигла большего, чем великие восстания, неизбежно обреченные на расправу и не достигавшие устойчивых результатов. Французские крестьяне три столетия различными приемами и способами сопротивлялись католической десятине, поэтому для них размеры десятины оказались вполне терпимыми [11. С. 37]. В отличие от других стран и обычных периодов жизни России отказы платить подати в Сибири в 1905–1907 гг. носили массовый и упорный характер, охватывали целые уезды (12 волостей Минусинского уезда, 5 волостей Енисейского уезда, 8 волостей Ишимского уезда, 5 волостей Тюкалинского уезда, 6 волостей Читинского уезда и т.д.), во многих случаях заканчивались сопротивлением властям, приобретая политический характер. К отказам платить подати призывали все политические партии, и эти призывы находили отклик в крестьянстве. Под влиянием агитации прекратили платить подати жители с. Заледеевского Красноярского уезда, Нижне-Заимского Канского уезда, Чистостровской волости Красноярского уезда [12]. В 1905–1907 гг. отмечено 289 случаев отказов платить подати, которые равномерно распределялись по годам.

В начале XX в. усилилась открытость общины по отношению к внешнему миру, в этом активную роль играли отходники и солдаты. Под их влиянием царистские идеи теряли свою привлекательность [13]. Бедным крестьянам, чтобы бросить вызов властям, необходима армия. Она была единственной общенациональной организацией, в которой преобладало крестьянство. В ней они учились мыслить в масштабах страны, осваивали современные технику и профессии, приобретали организационные навыки и умение координировать совместные действия, что позволяло преодолеть раздробленность движения. Опыт военной службы позволял солдатам стать руководителями крестьян и создать политические организации [14]. Сибирь поставила в действующую армию в период Русско-японской войны основной контингент солдат, и их демобилизовали во время высшего подъема революции. Бывшие солдаты заражали крестьян боевым духом. Вместе с тем в Сибири отмечено значительное число (82) выступлений запасных солдат в декабре 1905 – январе 1906 г. [19. С. 114–115]. Они требовали выдачи пособий и установления льгот. Солдаты громили волостные и сельские правления, избивали сельскую администрацию. Главный очаг волнений запасных находился в Алтайском округе.

Массированных нарушений прав земельной собственности и самовольных захватов было сравнительно мало (57, или 4,5 % всех выступлений) в силу меньшей остроты аграрного вопроса в Сибири. 60 % земельных захватов произошло в Нерчинском округе Кабинета, где острее проявлялись противоречия между собственником и держателями. Движение началось в марте 1905 г. в Александровской волости Читинского уезда и в декабре 1905 г. распространилось на Николаевскую, Успенскую, Кенонскую, Ключевскую, Татауровскую, Ундинскую, Усть-Илимскую, Чиронскую волости, Титовскую, Макковеевскую, Ундинскую станицы Читинского уезда, Шилкинскую и Александровскую волости Нерчинско-Заводского уезда, Троицкую волость Селенгинского уезда, Куенгскую и Сретенскую станицы Нерчинского уезда и Кударинскую станицу Троицко-Савского уезда [15]. Захватов церковных и государственных земель было немного.

В период революции произошла, по выражению П.Б. Струве, «прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов». Из 1 269 крестьянских выступлений в Сибири 1905–1907 гг. 350, или 28 %, вызваны агитацией радикальных партий, а 200 выступлениями (16 %) они руководили непосредственно. Но социалистическим партиям не удалось полностью подчинить крестьянское движение. Преобладала в нем традиционная стихийная борьба в виде бунтов и волнений. В революции 1905–1907 гг. крестьянство смогло создать автономное классовое движение и собственную организацию Всероссийский крестьянский союз, выработавший свою идеологию и выдвинувший своих лидеров. В Сибири его отделения возникли в Куядской и Тугуйской волостях Иркутского уезда, в селах Кимильтей и Хингуй Нижнеудинского уезда, в Верхоленской и Тутурской волостях Верхоленского уезда Иркутской губернии, в Верхнеудинском уезде Забайкальской области, в Ачинском, Канском, Красноярском, Минусинском уездах Енисейской губернии, в Троицкой волости Бийского уезда [21. С. 92–93]. Но крестьянский союз не перерос в политическую партию.

Под воздействием политических партий, поражения в Русско-японской войне, отрицательного влияния феодального центра на социальное и экономическое развитие региона крестьянское движение политизировалось. По количеству политических форм борьбы (522, или 41 %) Сибирь не уступала районам массового крестьянского движения. По данным А.Г. Буховца, число политических выступлений в Самарской губернии составило 47,2 %, в Воронежской губернии – 23,7 % [8. С. 187, 199]. Удельный вес политического протеста в Сибири не отличался от Самарской губернии. Это объяснялось тем, что в Сибири крестьянство непосредственно противостояло государству.

Политические выступления разделялись на чисто политические и объективно-политические. К объективно-политическим относятся покушения на убийство должностных лиц, неподчинение и сопротивление властям. Коллективных покушений на убийство должностных лиц отмечено немного – 16, или 1,3 %, но их было гораздо больше индивидуальных. Крестьянство постоянно применяло насильственные формы борьбы.

Для докапиталистических обществ всех государств характерен социальный разбой – робингудство, подерживаемое крестьянами. В Европейской России известны были Олекса Довбуш и Г.И. Котовский. Для Сибири XVIII в. характерен тип беглеца-разбойника. Во второй половине XIX в. прозвище Робин Гуд получил ссыльный С. Крамской, грабивший купеческие обозы и раздававший продовольствие жителям Туруханского края [17].

В 1835–1854 гг. крепостные убили 144 помещика, за что в Сибирь сослали 416 человек [5. С. 29]. В межреволюционный период 1907–1914 гг. покушения на убийство составили 3,6 % всех выступлений. Они вызвали негативное отношение как либералов, так и радикалов. Непонятным оставалось крестьянство и для марксистов. Л.Д. Троцкий называл его «янусом в лаптях», А.М. Горький считал, что большевики могут оказаться беспомощной жертвой в руках крестьянского, бешеного, исстрадавшегося зверя, порвавшего на портянки знамя Желябовых и Брешковских [13. С. 19]. Настороженно относясь к крестьянству, большевики оценивали его выступления как социальный протест и поддерживали их во время борьбы с монархией. На пятом съезде РСДРП В.И. Ленин возражал против предложения Мартынова внести в резолюцию «Об отношении к буржуазным партиям» фразу «Об анархических тенденциях крестьян» [18]. Он считал широкое распространение аграрного террора результатом страшного озлобления в деревне. Исследователи по-разному оценивают причины распространения насилия в крестьянской среде. М.В. Шиловский, вслед за Н.А. Бердяевым, Г.С. Виноградовым и Ф.А. Степуном, выделяет три причины этого явления: 1) менталитет русского народа, склонный к максимализму; 2) разрушение патриархального уклада и влияние фронтовиков; 3) деградация и развал государственной власти [19]. К этим факторам можно добавить еще три. Все исследователи, занимавшиеся историей крестьянства, отмечают анархические черты в его менталитете, обусловленные экономическим и социальным положением. Радикальные репрессии власти вызвали ответный радикализм населения. По мнению Д. Байрау, росту насилия способствовали неэффективная система власти и недостаток полиции, которая не предотвращала выступления в деревне, а наказывала крестьян за участие в беспорядках. В России воспроизводилась плохая администрация, сочетавшая в себе избыток дворянских чиновников и недостаток исполнительных органов [13. С. 22, 23; 16].

Другая форма объективно-политических выступлений – неподчинение властям и сопротивление им – применялась крестьянами Сибири в 1905–1907 гг. 161 раз, что составило 13 % всех выступлений (см. табл. 1). В нее входили сопротивления властям во время лесных порубок, при взыскании податей, во время ареста агитаторов и руководителей, неизбрание и самовольная смена должностных лиц. Наиболее ожесточенное сопротивление оказали крестьяне на Алтае при лесных порубках. Эти выступления достигли размеров вооруженного восстания. В селе Гилев Лог четыре тысячи крестьян под влиянием переселенца И.С. Федорова, рассказывавшего о погромах помещичьих усадеб и порубках леса на родине, начали массовые порубки леса в

кабинетских угодьях. 7 марта 1906 г. около двух тысяч крестьян оказали вооруженное сопротивление полиции, прибывшей для секвестра леса, и изгнали ее из села. 19 марта 1906 г. 500 жителей селений Новобнинское, Новоозерная, Коробейниково и Пристань Бийского уезда Томской губернии оказали вооруженное сопротивление отряду казаков, изымавших нарубленный лес [20. С. 34–53].

В январе 1907 г. массовые порубки кабинетского леса совершили крестьяне Паутовской и Верх-Ануйской волостей Бийского уезда Томской губернии. 17 января жители д. Завьялово оказали вооруженное сопротивление воинской команде (116 чел.), прибывшей для прекращения порубок. В ответ солдаты открыли огонь по толпе крестьян численностью 300–400 человек и убили одного из них. Узнав о нападении солдат на жителей Завьялово, крестьяне с. Быстрый Исток разгромили дом лесного объездчика и вооруженные ружьями и кольями пришли в Завьялово. 18 января крестьяне обстреляли воинскую команду, убив одного и ранив трех солдат, и перекрыли ей дорогу на Бийск. На призыв быстроистокцев о помощи откликнулись 12 селений Паутовской и Верх-Ануйской волостей. 21 января в с. Быстрый Исток около пяти тысяч крестьян собрались наступать на Завьялово. По приказу министра внутренних дел П.А. Столыпина против жителей Завьялово направили роту солдат, а в Быстрый Исток ввели две роты солдат и артиллерию. После подавления восстания арестовано 104 человека [20. С. 118–122, 125–128, 132, 138, 139, 144–145]. Вооруженное сопротивление полиции при взыскании податей в 1906 г. оказали крестьяне сел Тимонинского Ачинского уезда и Каменского Томского уезда.

Высшей формой крестьянского движения, направленного против существующего режима, явились митинги, собрания, демонстрации и сходы политического характера, принимавшие приговоры, наказания и резолюции, получившие в литературе название приговорного движения. Они включали в 1905–1907 гг. 321 выступление (25 % их общего количества). 52 % из них относились к митингам, 48 % – к приговорам. Главными центрами митингового движения были Енисейская губерния – 115 случаев, составлявшие 36 % от выступлений по форме и 32,6 % – от общегубернских, Забайкальская область – 62 случая (19,3 % от выступлений по форме и 36,4 % от общегубернских), Тобольская губерния – 57 (соответственно 17,7 и 24,9 %), Иркутская губерния – 52 (16 и 24,9 %), Томская губерния – 33 (10 и 8,3 %), Акимовская область – 2 (1 %) [3. С. 122].

После поражения первой русской революции крестьянские волнения не прекращались, но характер их изменился. Боевые наступательные формы встречались очень редко (Павловское, Мормыши), крестьянство использовало традиционные формы борьбы. В это время не проводились шумные митинги, борьба носила экономический характер, а политические выступления составляли лишь 4,5 % их общего числа, из них чисто политические – 1 %. Это дало повод японскому ученому Мацузато Кимитакэ сделать вывод, что через несколько лет после первой российской революции крестьяне не бунтовали, а протестовали в принципе законным путем [21]. В годы Столыпинской аграрной ре-

формы резко увеличилось число индивидуальных повседневных форм борьбы, по очень неполным подсчетам составившее 308 случаев.

Правительство и черносотенцы объясняли крестьянские выступления агитацией социалистов и «жидов», революционеры тоже преувеличивали свою роль в крестьянском движении. Но еще в 1906 г. один из лидеров кадетов И.И. Петрункевич отмечал: «Чтобы двинуть спокойную и малоподвижную крестьянскую массу в различных концах России на захваты частновладельческих земель и на разгром усадеб, недостаточно революционной пропаганды; необходимо, чтобы условия крестьянского быта вполне соответствовали успеху такой пропаганды» [22]. В Сибири в 1907–1914 гг. под непосредственным влиянием социал-демократической и эсеровской пропаганды прошло лишь 10 выступлений, а в Белоруссии – 14 [23]. Мотивы крестьянского движения лежали в области аграрных и социальных отношений. На первом месте среди факторов, вызвавших крестьянские выступления, стояли землеустройство, особенно на Алтае, где крестьяне получили наделы по 6–8 десятин, и внутринадельное межевание. На втором месте находилось повышение величины государственной оброчной подати в 1910 г., и на третьем – переселения. Переселения расширили социальный конфликт в Сибири, добавив к противоречиям между центром и окраиной, продовольственными и потребляющими районами, вражду между старожилами и переселенцами.

По вопросу о роли насилия в крестьянском движении существуют различные точки зрения. Теодор Шанин в книге «Россия, 1905–1907: Революция как момент истины», изданной в Лондоне в 1986 г., утверждал, что крестьяне в принципе не выступали против насилия и вооруженная борьба использовалась ими в тех случаях, когда она давала результаты. Большинство крестьян сознательно избегали насилия, пытаясь противопоставить ему политическую организацию в лице крестьянского союза, трудовой группы и крестьянских республик. При высоком уровне крестьянской организованности насилие проявлялось в меньшей степени, а помещичьи усадьбы крестьяне сжигали только в ответ на аресты своих лидеров [24]. Анна Гейфман считает, что в 1905–1907 гг. террор в России стал массовым явлением и принял ужасающие размеры, а общее число жертв превысило 9000 человек. В 1908–1910 гг. он оставался на том же уровне, что и в период революции, и от рук террористов пало 7 634 жертвы [25]. По мнению О.В. Будницкого, в 1905–1907 гг. терроризм пошел «в низы», росло число террористов из числа рабочих и крестьян. На смену «разборчивым убийцам», как назвал русских террористов А. Камю, пришли люди, которые без особых раздумий стреляли и в городского, и в конторщика [26]. А. Гейфман при подсчете жертв учитывала и аграрный, и промышленный, и интеллигентский террор, в таких случаях в подсчет попадает и уголовщина.

Размеры аграрного террора в Сибири в 1905–1907 гг. были весьма скромными. За этот период случаи сопротивления властям наблюдались 41 раз, убит один стражник, один полицейский, один солдат и трое ранены. Причем большинство из них пострадали во время пря-

мых столкновений с воинскими подразделениями, снабженными артиллерией. В 1908–1910 гг. число политических выступлений и организованность крестьянского движения, сдерживавшие анархические тенденции в крестьянстве, снизились, что привело к увеличению террора и повседневных форм борьбы. С июля 1907 г. по июль 1914 г. 138 выступлений, или 3,5 %, связаны с сопротивлением властям и насилием. В 1908–1916 гг. только в Томской губернии были убиты 29 полицейских, чинов лесной стражи, сельских старост, 89 ранены и избиты, одновременно погибли 13 крестьян и 14 ранены [27]. Наряду с анархическими тенденциями в природе крестьянства к росту аграрного террора вели репрессии правительства. По подсчетам Э.Ш. Хазиахметова, по политическим мотивам в 1905–1912 гг. осудили 105 250 человек, к смертной казни приговорили в 1906–1913 гг. 6 312 человек, на каторгу в 1905–1912 гг. отправили 7 656 человек, на поселение – 49 589 человек. В итоге жертвами правительственных репрессий стали 154 996 человек, не считая убитых карательными отрядами и черносотенцами [28]. По мнению Д. Байрау, немалую роль в этом сыграла рыхлая система административных институтов, совмещавшая переизбыток чиновников с недостатком исполнительных органов, которые, не имея возможности предотвратить экономические выступления, наказывали крестьян по их факту [13. С. 22, 23], а те оказывали сопротивление. При всем радикализме крестьян у них сохранились царистские и думские иллюзии. В июле 1908 г. переселенцы захватили урочище Тумба в Туринском уезде Тобольской губернии, заявив: «Земля царская и мы царские». Выселять их пришлось полицейскими мерами [29]. Таких случаев было немало. После революции произошел даже рецидив монархических настроений. В конце 1907 г. казаки 22 поселков сибирского казачьего войска заявили о своей верности царю, объяснив свои выступления 1905–1907 гг. агитацией смутьянов. Монархизм крестьян превращался в отмирающую наивность, и, как показал Д. Филд, носил практический характер, являясь их защитным приспособлением [30].

За период с июня 1907 г. по июль 1914 г. произошло 1 961 массовое выступление крестьян. В период реакции размах крестьянского движения уменьшился. За время с июня 1907 г. по 1 января 1910 г. произошло 432 выступления (Западная Сибирь – 204, Восточная – 228) (табл. 1). В годы реакции в Сибири были выступления в 432 селах (173 в год) против 1 269 в годы первой российской революции (508 в год), т.е. интенсивность крестьянского движения уменьшилась на 66 %. Наибольшее сокращение классовой борьбы крестьянства приходится на 1909 г., когда в Сибири произошло 129 случаев выступлений, по сравнению с 168 в 1908 г. и 287 в 1910 г. Если учесть, что в эти годы отсутствовали «решительные формы» (восстания, сопротивление войскам), то можно отметить, что размах движения значительно сократился [3. С. 49].

Рост крестьянского движения наблюдается с 1910 г. С января 1910 г. по август 1914 г. было зарегистрировано 1 529 случаев выступлений (951 в Западной Сибири и 578 в Восточной), т.е. интенсивность крестьянского движения увеличилась на 196 % по сравнению с 1907–1909 гг. и составила 67 % от уровня 1905–1907 гг.

Наибольший размах борьба крестьян приобрела в 1913 г. (410 случаев выступлений). Подъем крестьянского движения был обусловлен проведением столыпинской аграрной реформы, землеустройством на кабинетских землях и осуществлением закона 1901 г. о переводе кочевых сибирских народов в крестьянское сословие. Наибольший рост выступлений в Сибири приходился на 1910 г., когда их количество возросло на 122 %, в дальнейшем увеличение составило 8–14 % ежегодно.

Размах крестьянского движения был различным в отдельных регионах Сибири. Крестьянское движение в Восточной Сибири составляло лишь 69,7 % от уровня Западной. Наибольшее количество выступлений происходило в Томской губернии, где в селах с июня 1907 г. по август 1914 г. зафиксировано 856 случаев выступлений, что составляет 43,6 % всех волнений сибирских крестьян. Большинство выступлений в губернии происходило в Барнаульском уезде (60,7 %), являвшемся наиболее экономически развитым районом кабинетского землевладения, затем шли Томский (14 %), Змеиногорский (9 %) уезды, где также имелось кабинетское землевладение [З. С. 50].

Важное значение имеет вопрос о степени остроты борьбы крестьян на кабинетских и государственных землях. Разряд крестьян, участвовавших в выступлениях, не всегда указан, но количество волнений на кабинетских землях можно подсчитать с приблизительной точностью по уездам. В Алтайский округ входили Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий, часть Томского уезда, в Нерчинский округ – Читинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводской, Акшинский и часть Верхнеудинского уезда, поэтому для подсчета количества выступлений в кабинетских землях мы складываем число волнений в этих уездах, прибавив $\frac{1}{3}$ выступлений в Томском и Верхнеудинском уездах. На кабинетских землях крестьянское движение приняло более сильный размах, чем на государственных. На кабинетских землях Томской губернии напряженность крестьянского движения в 1907–1914 гг. была на 144 % выше, чем в Енисейской губернии, и на 56 % выше, чем в Иркутской, на кабинетских землях Забайкальской области – на 113 % выше, чем в Иркутской.

Все выступления крестьян в Сибири ограничивались пределами одной деревни, а если даже волнения

охватывали целый ряд селений, то крестьяне этих сел практически не были связаны между собой. Крестьянское движение было непоследовательным. Из 1961 случая выступлений только 277, т.е. 11,5 %, продолжались более года, по сравнению с 24,5 % в 1905 г. При всей стихийности и непоследовательности крестьянского движения в 1907–1914 гг. в нем происходит нарастание сознательности и организованности, хотя и незначительное. В 1907–1909 гг. выступления, продолжавшиеся более года, были в 17 селах (3,9 %), в 1910–1914 гг. – в 210 (13,9 %). Косвенными данными об изменении сознательности и организованности движения являются сведения о распространенности его индивидуальных форм. В 1910–1914 гг. их удельный вес понизился до 14,6 %.

Попытаемся хотя бы примерно определить количество участников крестьянских выступлений и их удельный вес в сравнении со взрослым мужским населением. По Томской губернии за 1908 г. сведения о числе участников имеются по 12 селениям. Это составит 45 % от общего количества населенных пунктов, охваченных крестьянским движением в указанном году. Кроме того, в двух селениях в выступлениях участвовали сельские сходы, которые собирались в присутствии не менее $\frac{2}{3}$ домохозяев. В целом по 14 населенным пунктам число участников будет равно 3 024 человека, или в среднем на одно селение 216 человек. В этом случае в 1908 г. общее количество участников выступлений в 31 селении Томской губернии составит 6 696 человек, или 0,8 % от всего взрослого мужского населения. В соответствии с данной методикой подсчета процент участников выступлений по Томской губернии будет равен в 1907–1909 гг. – 1,1, в 1910–1914 гг. – 9,2 (при средней репрезентативности селений с известным числом участников – 54 %). В Тобольской губернии эти показатели соответственно равны 0,9 и 1,2 % (репрезентативность – 49 %).

Таким образом, по размаху крестьянского движения Сибирь отставала от Европейского центра, но в 1910–1914 гг. Томская губерния достигла уровня крупнейших районов крестьянских волнений. В мирные периоды роль партий в крестьянском движении была невелика, но в период революции 1905–1907 гг. оно политизировалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История России XIX – начала XX вв.* М., 1998. С. 520.
2. *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
3. *Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А.* Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг. Новосибирск, 1985.
4. *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 113, 114.
5. *Маслов П.* Крестьянское движение в России. М., 1923. Кн. 1.
6. *Анфимов А.М.* Новые собственники (Из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1996. С. 72, 89.
7. *Кондрашин В.В.* Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 119.
8. *Буховец А.Г.* Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: Новые материалы, методы, результаты. М., 1996.
9. *Шлювский М.В.* А был ли П.А. Столыпин реформатором? // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Омск, 1997. С. 66.
10. *Вольф З.Р.* Крестьянские восстания // Великий незнакомец... С. 301, 302.
11. *Скотт Д.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1996.
12. *ГАКК.* Ф. 858. Оп. 2. Д. 15. Л. 2; Ф. 595. Оп. 63. Д. 417. Л. 70; Голос Сибири. 1905. 25 дек.
13. *Байрау Д.* Янус в лаптях: Крестьяне в русской революции, 1905–1917 // Вопросы истории. 1992. № 1.
14. *Шанин Т.* Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец... С. 276.
15. *ГАЧО.* Ф. 20. Оп. 1. Д. 964. Л. 33; Д. 5751. Л. 7–26, 35–40, 93–100, 117–126, 148; Д. 5752. Л. 31–38, 54; Д. 84. Л. 25–27, 78, 79; Д. 330. Л. 33; Ф. 50. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–8; Д. 153. Л. 17–19; Оп. 2. Д. 9. Л. 8–10, 19–20; *ГАОУ.* Ф. 143. Оп. 1. Д. 5. Л. 65; Д. 110. Л. 174, 200–204; Д. 125.

- Л. 22–23; Ф. 245. Оп. 3. Д. 531. Л. 2, 3; Д. 1057. Л. 1; Ф. 600. Оп. 1. Д. 405. Л. 137, 189; Д. 109. Л. 513, 514; *РГИА*. Ф. 468. Оп. 24. Д. 688. Л. 7; Д. 1949. Л. 9–13; *ГАРФ*. Ф. 124. Оп. 44. Д. 5755. Л. 6–8; Д. 2664. Л. 1–3; *Азиатская Русь*. 1905. 25 ноября. 14 дек.
16. *Хобсбаум Э.* Разбой как социальное явление // Великий незнакомец... С. 288, 289.
17. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1992. С. 339; Гуртовой М. Сибирский Робин Гуд // Советская торговля. 1984. 28 июня.
18. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 78.
19. *Шиловский М.В.* Роль насилия в регулировании отношений в крестьянской среде Сибири (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 38, 39.
20. *Крестьянские волнения* в Алтайском округе в 1905–1907 гг. Барнаул, 1951.
21. *Маузолато Кимитака.* Столыпинская реформа и российская агротехническая революция // Отечественная история. 1992. № 5. С. 196.
22. *Аграрный вопрос*. М., 1906. С. XVI.
23. *Буховец А.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России ... С. 190.
24. *Шанин Т.* Россия, 1905–1907: Революция как момент истины // Отечественная история. 1996. № 4. С. 136.
25. *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917. М., 1997. С. 31, 32.
26. *Будницкий О.В.* Терроризм в Российском освободительном движении. М., 2000. С. 343, 344.
27. *Шиловский Д.М.* Крестьянские выступления 1861–1917 гг. в Томской губернии как форма правонарушения // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1999. С. 49.
28. *Хазиахметов Э.Ш.* «Сначала успокоение, а потом реформы» // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России... С. 109–110.
29. *Сибирские вопросы*. 1908. № 29–30. С. 38; № 37–38. С. 68–72.
30. *Филд Д.* Повстанцы во имя царя // Отечественная история. 1996. № 4. С. 1324.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 30 ноября 2004 г.